

А. Е. Супрун, С. С. Скорвид

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Славянские языки (С.я.) – ветвь близкородственных языков в составе индоевропейской языковой семьи. Названия на основных мировых языках: англ. *Slavic (Slavonic) languages*, нем. *die slawischen Sprachen*, фр. *les langues slaves*.

2. Основные представители: русский, белорусский, украинский, болгарский, македонский, сербохорватский (или сербский, хорватский и боснийский), словенский, словацкий, чешский, польский, кашубский, серболужицкий, мертвый полабский, а также старославянский и церковнославянский языки. Распространены в Центральной и Восточной Европе и в Северной Азии. Народы, говорящие на С.я., составляют большинство населения России, Белоруссии, Украины, Болгарии, Македонии, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Словении, Словакии, Чехии, Польши. Более или менее компактное славянское население живет также в Казахстане, в государствах Средней Азии и Закавказья, в странах Балтии, в Молдавии и других государствах Европы (например, украинцы и болгары в Румынии, словаки в Венгрии, хорваты и словенцы в Венгрии, Австрии, Италии, македонцы в Греции и Албании, серболужичане в Германии). Отдельные компактные и некомпактные группы славянского или славяноязычного населения имеются помимо того в США, Канаде, Аргентине, Австралии, Израиле и других странах.

Первые исторически достоверные сведения о славянах и их расселении в Европе содержатся в источниках на греческом и латинском языках, относящихся к VI в. н. э. (о более ранних упоминаниях, I–II вв. до н. э., у таких авторов, как Тацит, Плиний, Птоломей, нельзя с полной уверенностью утверждать, что они относятся именно к славянам). Важнейшие из этих источников – «История войн с готами» Прокопия Кесарийского (551–554), «Стратегикон», приписываемый византийскому императору Маврикию (конец VI в.), и латинская «История готского народа» гота Иордана (551). У Прокопия и псевдо-Маврикия славяне выступают под названиями «склавлены» или «склавины» и «анты», у Иордана – «склавлены», «анты» и «венеты». Можно предполагать, что первое наименование с изначальным праславянским корнем **slov-* представляло собой общее самоназвание славян. Этот корень повторяется с видоизменениями в названиях отдельных славянских племенных групп (например, словене в окрестностях оз. Ильмень) и позже славянских народов, особенно в областях, где они составляли меньшинство по отношению к господствующему иноязычному этносу (словаки – в Венгерском королевстве, словенцы – в Австрийской империи и др.). Этимология этого этнонима окончательно не выяснена; наиболее вероятным кажется предположение, исходящее из оппозиции **slov-* 'владеющий словом', т. е. 'говорящий понятно': **něm-* 'немой' (для славян), т. е. 'иноязычный' (в особенности 'немец' и вообще иноплеменник). Наименования «анты», впоследствии не встречающееся, и «венеты», отражающееся и поныне, в частности, в немецком названии лужицких сербов (*die Wenden* наряду с более новым *die Sorben*) и др., по происхождению не славянские. Понятие «анты», ассоциирующееся обычно с восточными славянами, по некоторым предположениям, могло относиться к племенному объединению славян с неславянами на территории Восточной Европы. Наименование с корнем **ven(e)t/d-*, по-видимому, было перенесено с названия некоторого племени неясного

лингвоэтногенеза на племена, заселившие его территорию позднее, причем не только славянские (ср. германское племя вандалов). В отношении тех или иных групп славян названия, восходящие к этому корню, использовали исключительно их соседи (германцы, а также финские народы).

Дискуссионным является вопрос о прародине (или прародинах) славян, т. е. о территории, на которой произошло и продолжалось становление славянской этноязыковой общности. Одним из первых предпринял попытку уточнить пространство, заселенное славянами по «столпотворению Вавилонском», автор древнерусской «Повести временных лет», монах Киево-Печерской лавры Нестор: «Спустя много времени осели славяне на Дунае, где ныне земля Венгерская и Болгарская. И оттуда разошлись славяне по земле и взяли себе имена по тому месту, где кто поселился». Версия Нестора была основана на бытовавших еще в его время древних сказаниях. Ученые XIX в. (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский) относились к ней с доверием. Но в XX в. ее отвергли как фантастическую; лишь в последние десятилетия к ней обратились вновь (О. Н. Трубочев).

Согласно мнению некоторых историков и языковедов XIX – первой половины XX в. (В. М. Флоринский, К. Мошинский, Э. Гаспарини), прародина славян находилась в Азии или на востоке Европы – на Оке и Волге. А. А. Шахматов помещал ее в бассейне Немана и Западной Двины, откуда, по его мнению, славяне продвинулись в Повисленье и на Дунай. Большинство современных историков и языковедов локализует прародину славян на территории между Днестром и Одрой (Одером) в лесостепной и лесной зонах, т. е. примерно между 50° и 55° северной широты. Но в вопросе о конкретном ее местонахождении внутри этой территории различные исследователи расходятся. Например, М. Фасмер, Г. Гирт, Я. Ростафиньский указывают на Полесье; Я. Чекановский, М. Рудницкий, Т. Лер-Сплавинский, Т. Милевский, В. В. Мартынов – на район между Одрой и Вислой; М. И. Артамонов, А. В. Арциховский, Г. Лябуда, С. Б. Бернштейн – на район между Вислой и Днестром.

3. Общее количество носителей С.я. в мире составляет в настоящее время около 290 млн. чел. За последние 150 лет количество славян возросло почти в четыре раза (в 1849 г. П. Й. Шафарик называл число 78 млн. 691 тыс. чел., по данным Т. Д. Флоринского 1911 г., их было 159 млн. 420 тыс. чел.).

4. Современные С.я., выступающие как совокупность взаимосотнесенных народных говоров (диалектов), различных наддиалектных речевых форм и литературного языка, подразделяются на три группы: восточную (русский, украинский, белорусский), западную (чешский, словацкий, польский, кашубский, серболужицкий с двумя литературными языками: верхне- и нижнелужицким) и южную (болгарский, македонский, сербохорватский, словенский). Эти группы выделяются по территориальному признаку с учетом исторически сложившихся между соответствующими С.я. различий и сходств (см. 5.).

В группе западных С.я. выделяются подгруппы: чешско-словацкая, лехитская (польский, кашубский, полабский языки) и серболужицкая (исторически, видимо, верхнелужицкие диалекты были ближе к чешско-словацкой, а нижнелужицкие – к лехитской подгруппе, но конвергентные процессы привели к их относительной языковой общности). В группе южных С.я. выделяются сербско-хорватско-словенская (юго-западная) и болгарско-македонская (юго-восточная) подгруппы. Сербохорватский язык образуют три исторически значительно отличных друг от друга диалекта: штокавский, чакавский и кайкавский (последний близок к соседним словенским диалектам). Относительное единство сербохорватского, в настоящее время спорное, создавалось общностью литературного языка (с двумя региональными разновидностями – восточной и западной), которым

пользовались четыре народа: сербы, черногорцы, хорваты и боснийские мусульмане, или муслимане. В последние десятилетия XX в. активизировался процесс обособления самостоятельных литературных языков в Хорватии, а также в Боснии и Черногории. Болгарский и македонский в историко-диалектологическом отношении образуют единый, хотя с древних времен расчлененный континуум; их современная самостоятельность обусловлена, кроме внутриязыковых факторов, существованием двух отдельных наций с двумя литературными языками.

Между языками внутри каждой из названных трех групп существуют переходные говоры, например, в восточнославянской области украинско-белорусские в Полесье, русско-белорусские на Брянщине и Смоленщине и т. д. Между языками, принадлежащими к разным группам, переходных говоров нет, но встречаются языковые образования с чертами позднего смешения, отнесенность которых к той или иной группе иногда интерпретируется по-разному, например, южнорусинский язык. Кроме того, имеются различные славянские диалекты и социолекты, возникшие в среде эмигрантов, например, диалект потомков Русской Америки на Аляске; там же функционирует русский язык староверов, в том числе в заново создаваемой литературной форме; есть варианты русского языка различных религиозных общин, иногда в течение нескольких столетий находящиеся в других странах, например, в Турции. Известны, далее, идиомы, возникшие в результате смешения славянских языков, прежде всего русского, с неславянскими, в частности, так называемый «руссенорск» (русско-норвежский пиджин), русско-китайский пиджин, таймырская «говорка» и др.

5. Внутри индоевропейской семьи С.я. обнаруживают давние черты близости в первую очередь к балтийской и далее к ряду других языковых групп, которые свидетельствуют о существовании в период распада индоевропейской общности на рубеже III и II тысячелетий до н. э. относительно единого (но не монолитного) праисторического диалектного пространства прежде всего предков славян и балтов с предками иных народов: по одной версии – германцев, по другой – албанцев, по третьей – иранцев.

Общепризнана самая тесная связь диалектов славян и балтов, однако интерпретация ее характера вызывает дискуссии. Наиболее старая теория предполагает наличие в течение определенного периода этноязыкового единства (племенного объединения) носителей славянских и балтийских диалектов, которые представляли собой диалекты балто-славянского праязыка. Другие ученые, отрицая существование балто-славянского праязыка, допускают смежность и параллельную эволюцию славянских и балтийских диалектов. Третьи признают сближение славянских и балтийских языков вторичным. Высказываются и иные мнения: например, об исконной общности и позднейшем новом сближении и др.

Период балто-славянской близости относится скорее всего ко II тысячелетию до н. э. Не позднее середины I тысячелетия до н. э. у группы славянских племен сложились собственные диалектные особенности, достаточно отличавшие их от балтов, т. е. возник праславянский язык.

По мере выделения из индоевропейского континуума диалектов, образовавших праславянский язык, происходили некоторые характерные изменения в их фонологической системе. Если позднеиндоевропейский являлся в целом языком вокалического строя, то в ходе истории праславянского языка имело место постепенное возобладание черт консонантного строя. С этим были типологически связаны определенные изменения в праславянской просодической (акцентной) системе.

В вокализме краткие индоевропейские *ā и *ō совпали в *ō или, возможно, изначально нелабиализованном *ŏ (по другому мнению, в *ā): прасл. *ōrati 'пахать' – лат. ārare, прасл. *dōmь 'дом' – лат. dōmus; долгие *ā и *ō – в *ā: прасл. *māti 'мать' – лат. māter, прасл. *dānь 'дань' – лат. dōnum 'дар'; одновременно наступило изменение *ē в *ā («первый ять» – по другому мнению, в *ē): прасл. *vāra 'вера' – лат. vērus 'верный', 'истинный' (здесь и далее праславянские реконструкции даются в позднепраславянской форме, если им не предшествует символ <, указывающий на более раннюю огласовку; долгота/краткость гласных отмечается только в релевантных для приводимых соответствий морфемах). Позже произошло изменение *ī в *ū и кратких *ī, *i в так называемые редуцированные (согласно С. Б. Бернштейну, сверхкраткие, с одновременным понижением подъема) *ь и *ь: прасл. *sūnь 'сын' – литов. sūnūs, прасл. *osь 'ось' – литов. ašis.

Таким образом, исходная позднеиндоевропейская система вокализма включала симметричные подсистемы кратких и длинных гласных:

Подъем	Краткие			Долгие		
	Ряд					
	Передний	Средний	Задний	Передний	Средний	Задний
Верхний	ī		ū	ī		ū
Средний	ē		ō	ē		ō
Нижний		ā			ā	

В результате раннепраславянских преобразований она изменилась в систему, в которой собственно количественные оппозиции уже не были фонологически релевантными:

Подъем	Ряд	
	Передний	Непередний
Верхний	ī	ū
Средне-верхний	ь	ь
Средний	ē	ō
Нижний	ā	ā

Индоевропейские слоговые сонорные (независимо от исконной краткости/долготы) изменились, как и в прабалтийском языке, в сочетания *ūr, *īr, *ūl, *il, *ūm/ūn, *īm/in, на славянской почве далее в *ьr, *ьr, *ьl, *ьl и *ьm/n > *o, *ьm/ьn > *e (носовые гласные): прасл. *gьrdlo 'горло' – литов. gurklỹs 'зоб', прасл. *vьlkь 'волк' – литов. *vil̃kas, прасл. *dьti 'дуть' – литов. dūmti. Одновременно сократились долгие гласные в сочетаниях с другими неслоговыми сонантами (сочетания с неслоговыми *j, *ц традиционно именуются дифтонгами).

В области консонантизма произошло исчезновение индоевропейских придыхательных взрывных согласных (реконструкция которых в последнее время ставится под сомнение, в частности, Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Ивановым): прасл. *berq 'я беру' – лат. ferō 'я несу'; совпадение лабиализованных заднеязычных с нелабиализованными: прасл. *kьto 'кто' – лат. quis; изменение палатальных заднеязычных в свистящие *s, *z с последующей утратой ими палатальности, подобно тому, как это было и в других диалектах группы satəm: прасл. *sьto 'сто' – лат. centum, прасл. *(j)azь 'я' – лат. ego. Старый *s после элементов i, u, r, k (не перед согласными) изменился в *x: прасл. *pi(ь)xati 'толкать (пихать)', *vьrxь 'верх'.

Таким образом, традиционно реконструируемая позднеиндоевропейская (для языков satem типа праславянского) система консонантизма изменилась в систему:

По способу образования			По месту образования			
			Лабии- альные	Дентально- альвеолярные	Средне- небные	Велярные
Шумные	Взрывные	Гл.	p	t		k
		Зв.	b	d		g
	Фрикативные	Гл.		s		x
		Зв.		z		
Сонорные	Носовые		m	n		
	Боковые			l		
	Дрожащие			r		
	Скользкие		w (u) *		j (i)	

* Фонема w (u), сохраняя в отдельных славянских языках и диалектах и поныне билабиальный характер, с раннепраславянского периода переходила в лабиодентальную v. Символ v ниже условно используется для обозначения w (u) / v.

Генеральной тенденцией дальнейшего исторического развития звукового строя праславянского языка была тенденция к консолидации слога. В качестве ее частных проявлений традиционно рассматриваются тенденция к восходящей звучности элементов слога и так называемая тенденция слогового сингармонизма.

Первая закономерность, которая в дальнейшем обусловила действие «закона открытого слога», означала, что элементы слога – в раннепраславянском только начала слога – могли следовать друг за другом исключительно в следующем порядке: фрикативные согласные *s, *z, *x; взрывные *p, *t, *k, *b, *d, *g; сонорные носовые и губные *m, *n, *v; плавные *r, *l; среднеязычные *j; гласные. При этом были возможны сочетания либо только глухих, либо только звонких шумных согласных, например, *o-strь ‘острый’, *no-zdri ‘ноздри’ и др.

Вторая тенденция касалась прежде всего сочетаний согласных с гласными. Твердые согласные под влиянием последующих передних гласных смягчались, при этом заднеязычные согласные изменились в мягкие шипящие: *k > č', *g > ž', *x > š' (этот процесс традиционно именуется первой палатализацией). Те же изменения пережили заднеязычные согласные в сочетаниях с *j. Примеры: *plakati ‘плакать’ – 2 л. ед. ч. наст. вр. *plač'eši/ь, *plač'ь ‘плач’ (< *plakj-); *lъgati ‘лгать’ – *lъž'ь/lъž'a ‘ложь’ (< *lŭgĭ-/lŭgĭj-), *tixъ ‘тихий’ – tĭš'ina ‘тишина’. Аналогичные преобразования претерпевали сочетания *sj, *zj > *š', *ž': *nositi ‘носить’ – *noš'a ‘ноша’. Негубные сонорные в сочетании с *j дали мягкие сонорные: *kon'ь (< *konj-) и т. п. Развитие сочетаний других согласных с *j, в частности, сочетаний *tj, *dj, в раннепраславянский период, вероятно, изменившихся в палатальные *t', *d', завершилось в позднепраславянском языке либо уже после распада праславянской общности. После мягких согласных, возникших вследствие изменения сочетаний с *j, в раннепраславянском языке передние гласные переходили в передние: *š'iti ‘шить’ (< *sjŭti), *mor'e ‘море’ (< *morjo); напротив, передний *ä переходил в *a: *lež'ati ‘лежать’ (< *lež'āti < legēti).

Основные процессы поздней эволюции праславянского звукового строя были связаны с постепенным действием тенденции к открытию различных типов закрытых слогов (закон открытого слога). К ним в первую очередь относятся следующие изменения:

– утрата согласных в конце слова (*slovo ‘слово’ < *slovos);

– устранение геминат и других сочетаний согласных (**me-sti* ‘мести’ < **met-ti*, **сьпль* ‘сон’ < **сър-п-*);

– монофтонгизация дифтонгов **оу* > **ū*, **еу* > **jū* (**tud’-/tūd’* ‘чужой’ < **toudj-/teudj-*); **ej* > **ī* (**(j)iti* ‘идти’ < **eiti*), **oj* > **ē* («второй ять»: **pěti* ‘петь’ < **poiti*) или, в определенных морфологических позициях в конце словоформы, **ī* (им. п. мн. ч. **stoli* ‘стола’ < **stoloi*, 2 л. ед. ч. повел. накл. **beri* ‘бери!’ < **beroi(s)*); монофтонгизация **оу*, **еу* обусловила восстановление в системе вокализма признака лабиальности, в связи с чем, возможно, произошла лабиализация **ǰ* > **ǰ̄*; фонологические последствия других изменений были различны в праславянских диалектах.

– монофтонгизация дифтонгических сочетаний **om/on*, **ьм/ьп*, **em/en*, **ьт/ьп* > **ō*, **ē* (**zorbь* ‘зуб’, **jęzукь* ‘язык’);

– изменение заднеязычных согласных **k*, **g* перед новыми передними гласными **ē* и **ī* из **oj* в свистящие **c’*, **z’* (> **z’*) (вторая палатализация: **c’ēna* ‘цена’, **z’ēlo* (> **z’ēlo*) ‘очень’, им. п. мн. ч. **vьlc’i* ‘волки’ и т. п.) и аналогичное – непоследовательное – их изменение после гласных **ь*, **i*, **e* не перед согласными (третья палатализация: **otьc’ь* ‘отец’, **děvic’a* ‘девица’, **kъnъz’ь* ‘князь’); при этом **x* в подобных позициях изменялся неодинаково по диалектам, см. ниже;

– неодинаковые по диалектам изменения сочетаний «гласный + плавный» (завершились уже после распада праславянской общности).

Распространение праславянского языка на значительной территории от Днепра до Одры (Одера) к середине I тысячелетия до н. э. обусловило возникновение существенных различий между праславянскими диалектами. Историю диалектного членения праславянского языка разные исследователи трактуют по-разному. Ниже излагается одна из наиболее распространенных версий.

В бассейне Днепра формируется восточнославянская диалектная область (восточный макродиалект, объединяющий позднейшие собственно восточные и южные диалекты), а в бассейне Вислы с границей по Западному Бугу на востоке и Одре (Одере) на западе, с выходами к верхнему течению Лабы (Эльбы), а также к Дунаю на юге, – западнославянская диалектная область (западный макродиалект).

Восточный и западный макродиалекты отличались друг от друга главным образом неодинаковыми последствиями некоторых позднепраславянских звуковых изменений:

– сочетания **tl*, **dl* на востоке переживали утрату взрывного элемента при его сохранении на западе (рус., укр., болг., с.-х. мн. ч. *плели* – польск., чеш. *pletli*, рус., укр., болг., с.-х. *шило* – польск. *szydło*, чеш. *šídlo*);

– заднеязычный **x* по второй палатализации изменился на востоке в свистящий **s’*, а на западе, как при первой палатализации, в шипящий **š’*, в исходе основы перед флексией также в заимствованиях (рус. *серый* – польск. *szary*, чеш. *šerý*, с.-х. *монах* ‘монах’, им. п. мн. ч. *монаси* – чеш. *mnich* ‘монах’, им. п. мн. ч. *mníši*); те же отличия обнаруживает изменение **x* в позициях третьей палатализации, в первую очередь в морфеме **vьx-* (рус. *весь*, *всякий*, болг. *всеки*, с.-х. *сваки* с перестановкой *vs-* > *sv-* – польск. *wszak*, чеш. *však* ‘все же’, ‘однако’);

– в сочетаниях **kv*, **gv* перед **ē* из **oj*, а иногда и перед другим гласным переднего образования заднеязычные согласные на востоке изменялись, как по второй палатализации, соответственно в **c’*, **z’* (> **z’*), а на западе сохранялись (рус. *цвет*, *звезда*, болг. *цвят*, *звезда*, макед. *svezda* – польск. *kwiat*, *gwiazda*, чеш. *květ*, *hvězda*);

– сочетания губных согласных с **j* на стыке морфем на востоке изменялись в сочетании с *l* (в болгарско-македонских диалектах, возможно, непоследовательно); на западе (а

также в болгарско-македонских диалектах) *l'* после губных не получил развития (рус. земля, с.-х. *земља* – польск. *ziemia*, чеш. *země*, болг. *земя*, макед. *земја*);

– сочетания **tj*, **kt* (перед **i*, **e*, **ь*) и **dj* изменялись на востоке в шипящие согласные (которые далее претерпевали неодинаковые преобразования в южных диалектах), а на западе в свистящие **c'*, **z'* (прасл. **svoitja*, **nokъ*, **medja* – рус. *свеча*, *ночь*, *межа*; польск. *świeca*, *noc*, *miedza*, чеш. *svíce*, *noc*, *meze*).

Внутри восточного макродиалекта выделились две группы диалектов: собственно восточные, или северо-восточные, и южные, окончательно обособившиеся лишь после заселения их носителями территории от Балкан до Альп к середине I тысячелетия н. э.

Южная группа разделилась на две ветви: будущую болгарско-македонскую и сербско-хорватско-словенскую, которые отличались, в частности, конечными последствиями изменения сочетаний губных согласных с **j* и сочетаний **dj*, **tj* и **kt* перед **i*, **e*, **ь* (ст.-сл. *межда*, *ношть*; болг. *межда*, *ноц*; макед. *меџа*, *нок* при *сношти* 'вчера вечером'; с.-х. *меџа*, *ноћ*; словен. *teja*, *ноѝ*) и по ряду других особенностей.

На разных этапах развития имели место контакты отдельных диалектов южной группы либо всей этой группы с той или иной частью западного макродиалекта, внутри которого вычленились чешско-словацкая и лехитская подгруппы с переходной серболужицкой областью. Так, существуют особенности, объединяющие:

– болгарско-македонские диалекты со всеми западными (отсутствие *l'* после губных согласных на месте их исконных сочетаний с **j* – при ст.-сл. *земля* / *земья* 'земля');

– словенские диалекты с большей частью западных (сохранение сочетаний **tl*, **dl*: словен. *pletel* 'он плел', *pletli* 'они плели', словен. диал. *šidyo* 'шило');

– болгарско-македонские диалекты с лехитскими (гласный нижнего подъема на месте «ять» (первого и второго): макед. диал. *vāra* 'вера', болг. *вяра*, польск. *wiara*); ниже для позднепраславянского языка рефлекс обоих «ять» независимо от диалектных различий условно обозначается знаком ѣ;

– болгарско-македонские и словенские диалекты с лехитскими (отсутствие изменений носовых гласных **ę* > *ä*, **ǫ* > *и*, характерных для остальных диалектов, ср. рус. *мясо*, *рука* – болг. *месо*, *ръка*, макед. *рака*, макед. диал. *рънка*, словен. *meso*, *roka*, словен. диал. *ranka*, польск. *mięso*, *ręka* наряду с *rączka* 'ручка' и др.);

– (средне)словацкие диалекты с южными и восточными (ср.-словац. диал. *šilo* 'шило', *na strese* 'на крыше', лит. им. п. мн. ч. *mnísi* 'монахи' с изменением **x* в **s* по второй палатализации) и только с южными (изменение сочетаний типа **orT*, **olT* в **raT*, **laT* в любой позиции, как в южных диалектах, в отличие от западных и восточных, в которых в морфемах, не несущих постоянного ударения, те же сочетания изменялись в **roT*, **loT*, ср. словац. *rást*, *lakeť*, с.-х. *расч*, *лакч* – чеш. *růst*, *loket*, польск. *wzrost*, *łokieć*, рус. *рост*, *локоть*);

– чешско-словацкий диалектный массив с южным (изменение сочетаний типа **TorT*, **TolT*, **TerT*, **TelT* в **TraT*, **PlaT*, **TrěT*, **PlěT* в отличие от **TroT*, **PloT*, **TreT*, **PleT* в лехитской и серболужицкой области и так наз. полногласия у восточных славян, ср. с.-х., болг. *страна* 'сторона', *злато* 'золото', с.-х. *бреме* (*брјеме*) 'бремя', 'ноша', болг. *мляко* 'молоко'; чеш., словац. *strana*, *zlato*, чеш. *břímě*, словац. *mlieko*, польск., в.-луж. и н.-луж. *strona*, *złoto*, польск. *brzemie*, в.-луж. и н.-луж. *młoko* с изменением *e* в *o* перед твердым согласным, рус. *сторона*, *золото*, *беремен-(ная)*, *молоко*).

Результаты изменения сочетаний типа **orT*, **olT* и **TorT*, **TolT*, **TerT*, **TelT* запечатлели, с одной стороны, обособление южных диалектов от восточных и контакты с ними части либо всего чешско-словацкого диалектного массива, а с другой – начавшийся в тот

период процесс сближения западных или северо-западных диалектов с восточными (во втором случае в северо-западной области первоначально также образовывались сочетания, аналогичные полногласию, ср. в.-луж. *trjebić* 'прореживать', где отсутствие изменения *tr*' > *tř* предполагает продолжительное сохранение перед согласным вокального элемента, как и в рус. *теребить*).

Примерно то же противопоставление праславянских диалектов обнаруживают изоглоссы, связанные с рефлексацией сочетаний редуцированных с плавными сонантами типа **TьrT*, **TьlT* или **TьrT*, **TьlT*. Группы с непредним и передним редуцированным отражались одинаково в диалектах южной зоны, к которым в отношении сочетаний **TьlT* и **TьlT* в целом присоединяются среднесловацкие, а в отношении **TьrT* и **TьrT* почти весь чешско-словацкий массив (кроме восточнословацкого ареала), и напротив, по-разному – хотя у типа **TьlT*, в отличие от **TьlT*, лишь в отдельных позициях, причем не повсеместно – в остальных западнославянских и в восточнославянских диалектах (ср. болг. *дълг*, *вълк*, с.-х. *дуг*, *вук*, словац. *dlh*, *vlk* – чеш. *dluh*, *vlk*, польск. *dlug*, *wilk*, но кашуб. *wolk*), рус. *долг*, *волк* (при *желчь* и т. п.); болг. *гърб*, *врѣх*, с.-х. *грба*, *врх*, словац., чеш. *hrb*, *vrch* – польск. *garb*, *wierzch*, рус. *горб*, *верх*, в старомосковском произношении и поныне [v'er'x]).

Кроме этих черт сходства восточных диалектов с западными, их северной частью либо даже только с крайней северо-западной периферией данного массива (ср., подобно рус. *волк* и кашуб. *wolk*, также рус. *молоть* и кашуб. *młoc* в отличие от польск. *mleć*), совпадение с состоянием в западной группе отражают некоторые архаизмы восточного ареала, концентрирующиеся в особенности в псковско-новгородской зоне (сохранение сочетаний взрывного согласного с *l* на месте **tl* и **dl* при их замене на *kl* и *gl*, как в польск. и кашуб. диалектах; сохранение **kv* и **gv* перед **ě* из **oj*, в псковско-новгородской зоне связанное с отсутствием второй палатализации заднебных согласных также в других случаях, и т. д.).

К специфически восточнославянским особенностям, помимо конечных итогов изменения сочетаний типа **TorT*, **TolT*, **TerT*, **TelT* и **TьrT*, **TьlT*, **TьrT*, **TьlT*, а также сочетаний **dj*, **tj* и **kt* перед гласными переднего ряда (при своеобразных заменах **dj*, **tj* в псковско-новгородской области, ср. отсюда рус. лит. *пугать* < **pōdjati* 'выгонять' в отличие от рус. диал. *пужать*), относится, далее, концентрация в восточных диалектах морфем с изменением начального **j/e-* в **o-* (ср. рус. *один* и польск., чеш., словац. *jeden*, с.-х. *један*, болг. *един*).

Просодическая (акцентная) система праславянского языка имела морфонологический статус. Место ударения изменяемых слов определялось типом так называемой акцентной парадигмы; при этом выделяются три основных типа: акцентная парадигма *a*, акцентная парадигма *b* и акцентная парадигма *c*. Парадигма *a* характеризовалась постоянным ударением на корне, парадигма *b* – постоянным ударением на элементе, следующем за корнем, парадигма *c* – подвижным ударением. Парадигмы *a* и *b* исторически являлись вариантами одной акцентной парадигмы, которые распределялись в зависимости от долготы (парадигма *a*) / краткости (парадигма *b*) корневой гласной; в обоих этих случаях корневая морфема обладала по отношению к ударению положительной маркировкой (+, во втором случае со сдвигом вправо: →). Распределение между парадигмой *a* и парадигмой *b*, с одной стороны, и парадигмой *c* – с другой, было традиционным. К акцентной парадигме *c* относились слова с отрицательной по отношению к ударению маркировкой корня (–). В словоформах этой парадигмы ударение определялось либо положительной маркировкой флексии, либо, если все морфемы в словоформе были маркированы отрицательно, авто-

матически приходилось на начальный слог слова или тактовой группы. В соответствии с этим в праславянском языке различают два типа ударения: автономное (в словоформах по меньшей мере с одной положительно маркированной морфемой, на которую оно падает) и автоматическое (в словоформах акцентной парадигмы *c*, в которых все морфемы маркированы отрицательно). Примеры: рус. акцентная парадигма *a m'ать*, акцентная парадигма *b жен'a*, акцентная парадигма *c голов'a*, вин. п. ед. ч. *г'олову*, в сочетании с предлогом *пoнyне* с возможным переносом ударения на начало тактовой группы: *н'a гoлoвy*. Эти два типа ударения противопоставлялись интонационно: автономное ударение характеризовалось восходящей интонацией (старый акут, например, **māti*), а автоматическое – нисходящей (старый циркумфлекс, например, вин. п. ед. ч. **gōlvǫ*).

В позднепраславянскую эпоху эта система усложнилась: возникло новоакутовое ударение с интонацией восходящего типа, в основном в результате ретракции ударения со слогов с так называемым слабым редуцированным и в некоторых других случаях (**dvor'ь > dvór'ь* 'двор', **volj'a* 'воля', вин. п. ед. ч. в позднепраславянском *vól'ǫ*), а также явление нового циркумфлекса, которое представляло собой замену рефлексов старого акута на противоположные в определенных морфологических позициях в отдельных группах славянских диалектов.

Грамматическая система праславянского языка, восходя в целом к позднеиндоевропейской, обнаруживала также значительное количество специфических черт.

Морфология представляла флективно-синтетический тип с элементами аналитизма (рассматриваются только особенности основных полнозначительных частей речи):

В именном склонении сохранялась семипадежная – с особой звательной формой в единственном числе – трехчисловая (единственное, двойственное, множественное число) парадигма. У имен существительных распределение по типам склонения первоначально зависело от наличия/отсутствия основообразующего суффикса (темы) и не было напрямую связано с различиями по роду. В соответствии с этим выделяют тематические и атематические типы склонения. К первым относят склонения: на **-ā* (продуктивный тип для существительных женского рода, представленный также у некоторых названий лиц мужского либо общего рода: ст.-сл. **жена** 'женщина', 'жена', **юноша** 'юноша', **жжика** 'родственник/родственница'); на *-ǫ* (продуктивный тип для существительных мужского и среднего рода: ст.-сл. **рабъ** 'раб', 'слуга', **село** 'поле'); на **-ī* (непродуктивный тип – всего несколько существительных мужского рода: ст.-сл. **сынъ** 'сын', **врхъ** 'верх' и др.); на **-i* (ограниченно продуктивный тип у существительных женского и непродуктивный у существительных мужского рода: ст.-сл. **кость** 'кость', **пжть** 'путь'); на **-ī* (непродуктивный тип у существительных женского рода: ст.-сл. **любы** 'любовь', род. п. ед. ч. **любъвѣ**). Вторые – непродуктивные или ограниченно продуктивные – подразделяются в зависимости от первоначально словообразующего суффикса. Таковы, в частности, типы: на **-on/en* (существительные мужского и среднего рода: ст.-сл. **камы** 'камень', род. п. ед. ч. **камене**; **имѧ** 'имя', род. п. ед. ч. **имене**); на **-os/es* (существительные среднего рода: ст.-сл. **слово** 'слово', род. п. ед. ч. **словесе**), на **-ent* (существительные среднего рода, обозначающие главным образом детенышей животных, ст.-сл. **жрѣвѧ** 'детеныш осл/лошади') и др. В результате различных фонетических и морфологических изменений, в последнем случае связанных в основном с явлением аналогии, произошли такие процессы, как: 1) дифференциация продуктивных склонений «твердого» (< **-ā*, **-ǫ*) и «мягкого» (< **-jā*, **-jǫ*) типов; 2) так называемое «переразложение» между давними основой и флексией: многие элементы, ранее относившиеся к разным сегментам словоформы, оказались объединены, что усилило флективный характер праславянского языка. В склоне-

нии прилагательных сохранялись только продуктивные типы (ж. р. < *-ā, *-jā, м. р. и ср. р. < *-ǫ, *-jǫ), а также постепенно складывалась дифференциация между краткими (именными) и полными (местоименными, т. е. генетически включающими указательное местоимение *-jь) формами типа ст.-сл. **добра** / **добрага** 'хорошая' с различным последующим развитием в славянских диалектах и языках. В системе местоимений существовало подобное именному распределение «твердого» и «мягкого» типов при особом склонении, ср. ст.-сл. указательные местоимения **тѣ** 'тот', род. п. ед. ч. м. р. **того – съ** 'этот', род. п. ед. ч. м. р. **сего**; особый случай: **онѣ** 'тот', 'оный', род. п. ед. ч. м. р. **оного** / **онѣ** 'он', род. п. ед. ч. м. р. **яго** и т. д. (от местоимения, восходящего к *-jь, ср. ст.-сл. вин. п. ед. ч. м. р. и 'его'). Комплекс причин фонетического и синтаксического характера обусловил зарождение у имен и местоимений будущей категории одушевленности: возникшая после утраты согласных в конце слова омонимия форм им. и вин. п. ед. ч. привела к нежелательному для существительных со значением «социально полноправного мужского лица» неразличению субъекта и прямого объекта в предложениях типа **Кънѣзьъ призѣва брат(ѣ)ъ* 'Князь призвал брата', ввиду чего исконные формы вин. п. ед. ч. у слов этой лексико-грамматической категории начинали совпадать с формами род. п. ед. ч.

В сфере личных форм глагола в целом сохранялось позднеиндоевропейское распределение типов спряжения в настоящем времени (презенте) изъявительного наклонения (тематические типы на *-ǫ/-ǣ с вариантами *-nǫ/-nǣ, *-jǫ/-jǣ и на *-ī: ст.-сл. **несѣ** 'я несу', **несешѣ** 'ты несешь', **прошѣ** 'я прошу', **просиши** 'ты просишь'; атематический тип с присоединением флексий к основе без основообразующего суффикса: ст.-сл. **вѣмь** 'я знаю', **вѣси** 'ты знаешь'). В системе форм прошедшего времени имела место утрата архаичного имперфекта (реликты: ст.-сл. **вѣдѣ**, др.-чеш. *vědě* с претерито-презентным значением: 'я знал' и 'я знаю') с заменой его новым имперфектом, в формально-морфологическом отношении связанным с так называемым сигматическим аористом (ст.-сл. имперфект глагола **падати** 'падать' – **падаахъ** 'я падал', аорист глагола **пасти** 'упасть' – **падохъ** 'я упал', при частичном сохранении форм старого асимматического аориста типа **падѣ**). Происходила постепенная грамматикализация аналитических временных форм: перфекта (ст.-сл. 1 л. ед. ч. м. р. **палъ ꙗсмь**) и плюсквамперфекта (ст.-сл. 1 л. ед. ч. м. р. **палъ вѣхъ**), обозначающих, в отличие от аориста и имперфекта, результат прошедшего действия, актуальный на некоторый момент соответственно в настоящем и в прошлом. Вместе с тем еще не окончательно грамматикализировались формы будущего времени (в старославянском в 1-м лице единственного числа мужского рода варьирующиеся конструкции типа **хоштѣѣ пасти**, **имамь пасти**, **бждѣ палъ**, какие впоследствии имели различное развитие в С.я.). При сохранении в целом системы синтетических форм повелительного наклонения образовывались новые аналитические формы сослагательного, или условного, наклонения с использованием либо особых форм вспомогательного глагола 'быть', типа ст.-сл. **вимь палъ...**, либо форм аориста того же глагола, типа ст.-сл. **бухъ палъ...** (по-видимому, различно по диалектам). Получило дальнейшее распространение выражение способов глагольного действия при помощи префиксации и суффиксации, что вело к зарождению у глаголов противопоставления перфективности/имперфективности, параллельного временным оппозициям, т. е. к формированию в системе глагола видовой классификации. Залоговые различия (актив : пассив) первоначально выражались оппозицией невозвратных : возвратных форм глагола (**tujǫ* 'мою' : **tujǫ se* 'моюсь'). Позже распространились аналитические формы пассива – конструкций вспомогательного глагола 'быть' со страдательным причастием (в настоящем времени глагол 'быть' часто опускался, тогда как конструкции форм настоящего времени этого глагола со страдательным

причастием могли выражать результативное значение: др.-чеш. *Dievcě dřéve porozenie jest zvěstováno* 'Деве ранее рождение было возвещено'). Регулярным становилось использование форм отглагольных существительных с суффиксом *-t- в функции инфинитива и супина (ст.-сл. инфинитив **ЛОВИТИ** 'ловить', супин со значением действия как цели движения **ЛОВИТЬ**).

Уже в позднепраславянском языке, по-видимому, сложились основные формально-морфологические диалектизмы, например: формы родительного падежа единственного числа и именительного, винительного падежа множественного числа имен склонения на *-jā с флексией *-ę в южной и *-ě в западной и восточной группах (ст.-сл. род. п. ед. ч. **ДОУША**, др.-рус. **ДОУШѢ**, др.-чеш. *duše*), сохранение в форме творительного падежа единственного числа имен склонения на *-ō флексии *-omь в южной (ст.-сл. **РАБОМЬ**) и ее замена на *-omь в западной (ср. уже в старославянских Киевских листках X в. **НАДЪ ОПЛАТЪМЬ** 'над облаткой') и аналогично в восточной группе и т. д. Первоначальную же связь южных и восточных диалектов отражают лишь некоторые изоглоссы более локального характера, например, укр., с.-х., словен. и словац. диал. флексия *-to* в формах 1-го лица множественного числа настоящего времени глаголов и другие особенности.

В синтаксисе простого предложения сосуществовали широко представленные в праславянском языке односоставные именные предложения с имплицитной предикативностью (ср. ст.-сл. **ГОРЕ ЖЕ НЕПРАЗДНЫМЪ ... ВЪ ТЫ ДНИ** 'горе (будет) беременным ... в те дни' и двусоставные глагольные предложения с обычным порядком компонентов «субъект – выраженный личной формой глагола предикат – объект»). Члены предложения обладали значительной степенью автономности, в первую очередь формы глагола, у которых это проявлялось, в частности, в потенциальности местоименного выражения субъекта, а также объекта (ср. др.-чеш. *vzem hůbu, naplni octa // ju octa* 'взяв губку, пропитал ее уксусом'). Сложные предложения постепенно формировались на базе объединения простых с переосмыслением анафорических элементов в качестве союзных средств (например, ст.-сл. относительное местоимение **ИЖЕ**, др.-чеш. *jenž* 'который', первоначально 'тот/он' с частицей, сигнализирующей смысловую второстепенность соответствующего фразового фрагмента).

б. Формирующиеся с конца I – начала II тысячелетия н. э. С.я., унаследовав в целом праславянскую языковую структуру, продолжали некоторые тенденции ее эволюции, обнаружившиеся или наметившиеся ранее, одновременно претерпевая также новые преобразования, определяемые в каждом отдельном языке своими специфическими закономерностями.

Звуковая система С.я. развивалась в различных направлениях: от сохранения преобладавшего в праславянском вокалического строя за счет некоторого обеднения, сравнительно с праславянским состоянием, консонантизма в сербско-хорватско-словенской языковой области до последовательной консонантизации в первую очередь в восточнославянской области (в истории других языков наблюдается неодинаковое соотношение этих двух тенденций).

В связи с этим различной оказалась судьба праславянской просодической системы. В сербско-хорватско-словенской области было сохранено свободное политоническое ударение, утраченное в других языках. В восточнославянской области и в болгарском языке его давно сменило свободное силовое (динамическое) ударение, которое со временем привело к развитию в русском, белорусском и болгарском языках явления редукции безударных гласных. Этот же тип ударения с редукцией безударного вокализма выступал в полабско-поморской области (в кашубском регионе реликты свободного ударения удер-

живаются и поныне). Ударение в других западнославянских языках, а позже также в македонском, закрепилось за тем или иным слогом в слове или в так называемой тактовой группе: за первым в чешском, словацком и серболужицком (с отклонениями в сторону польского типа в нижнелужицком), предпоследним в польском и третьим от конца в словах, содержащих более двух слогов, в македонском.

В сербско-хорватско-словенской области в тесной связи с характером ударения также удержались, а в западнославянских языках независимо от ударения продолжали развиваться количественные различия гласных. Из западнославянских языков эти различия до сих пор сохраняют чешский и словацкий, а в других западнославянских языках долгие гласные к XVI в. сократились, претерпевая при этом качественные преобразования.

Редуцированные гласные *ь и *ъ в так называемой слабой позиции исчезли в XI–XII вв. во всех С.я. В сильной позиции они перешли в краткие гласные: в восточнославянской, македонской, а первоначально и в среднесловацкой и верхнелужицкой области в *e* и *o* (рус. *день, сон*), в восточной части болгарского ареала в *e* и «средний», нелабиализованный *ъ* (*сън*), в польском и чешском языках в *e* (польск. *dzień*, чеш. *den*, в обоих языках *sen*), в словенском в «средний» краткий *ə*, при вторичном продлении слога переходивший в *a* (словен. *sen* [sən], но *dan*), а в сербохорватском через *ə* в *a* при любой длительности слога (с.-х. *сан, дан*). Н. С. Трубецкой эти изменения гласных *ь и *ъ считал последним процессом праславянской эпохи. Действительно, завершив сокращение *ь и *ъ в слабой позиции, происходившее еще в праславянском языке, окончательное их исчезновение означало ослабление тенденции восходящей звучности в слоге, положило конец действию так называемого «закона открытых слогов» и предопределило важные преобразования, затронувшие многие звенья структуры С.я.

Завершением другого древнего процесса, который еще был обусловлен тенденцией восходящей звучности, т. е. монофтонгизации дифтонгических сочетаний *em/en, *ьm/ьn в *e, *om/on, *ьm/ьn в *o (по интерпретации Н. С. Трубецкого, *eⁿ, *oⁿ или *eN, *oN), явилась деназализация гласных, которые образовались по языкам из первоначальных носовых. Утрата ринезма (носового элемента) раньше – в X в. – наступила в сербско-хорватской, чешско-словацкой, серболужицкой и восточнославянской областях. Напротив, там, где носовые гласные не отличались по степени подъема, она задержалась – до XI в. в словенском и до XII–XIV вв. в болгарском языке (по их окраинным говорам реликты назализации отражаются в некоторых словах и поныне), а языки лехитской подгруппы с некоторыми изменениями в дистрибуции вообще сохранили носовые гласные.

Развитие тенденции слогового сингармонизма подготовило становление новой категории парной твердости/мягкости согласных в первую очередь в восточных и северо-западных С.я., а также в восточноболгарской области. Исторически возможности употребления мягких согласных в отдельных языках укрепляли наступавшие после них большей частью перед твердыми согласными переходы передних гласных в непередние (т. е. *'ä* > *'a* во всей этой группе, *'e* > *o* в восточной и северо-западной областях и др.), и напротив, ограничивало происходившее перед гласными переднего ряда отверждение согласных (в украинской, восточноболгарской и полабской областях). Помимо того ряд пар согласных, коррелирующих по твердости/мягкости, зачастую сужало непозиционное отверждение согласных (в белорусском *r'*, в украинском мягких губных, в серболужицком *s'*, *z'*), а с другой стороны – так называемая ассибиляция, т. е. приобретение мягкими согласными шипящего или свистящего призвука (в польском *r' > r^{ʒ/ʃ} > ʒ/ʃ*, *s' > ʃ*, *z' > ʒ*, в польском и серболужицком *t' > č*, *d' > ǰ*, откуда в нижнелужицком *š*, *ž*, а в кашубском и белорусском *t' > c*, *d' > ʒ*). В чешском и словацком языках тенденция к созданию кате-

гории твердости/мягкости согласных была перекрыта действием многоступенчатого процесса депалатализации. В итоге в разном для разных диалектов количестве позиций – большем в словацком языке и меньшем в чешском – здесь сохранились лишь отдельные мягкие согласные, коррелирующие с твердыми: *n'*, по диалектам *l'*, особенно в словацком, также *l'* против «среднего» *l* или твердого *l* с диалектным изменением в *ɹ* (либо «средний» *l* против твердого *l*), *t'* и *d' t' > c/č, d' > dz/dž*, а в окраинных говорах также *s'*, *z'* с изменениями в *š, ž* и мягкие губные. В сербско-хорватско-словенской и аналогично в западноболгарской и македонской областях новая категория твердых/мягких согласных не сложилась, а из старых парных мягких согласных только *n', l'* (< **nj, *lj*), в первую очередь в сербско-хорватской зоне, не подверглись отвердению.

В области морфологии в С.я. в целом продолжалось преемственное развитие праславянской системы. Только в болгарско-македонской области на ее эволюцию оказало заметное влияние возникновение многих важных инноваций в общем контексте балканского языкового союза (отмирание падежей с заменой их аналитическими конструкциями, становление постпозитивного артикля, грамматикализация так называемого «пересказывательного» наклонения глаголов и другие явления).

В системе глагола в истории С.я. имели место следующие основные изменения:

– завершалось оформление категории вида, с которой по-разному вступала во взаимодействие категория времени;

– формы простых прошедших времен (аориста и имперфекта) в оппозиции к перфектам сохранились только в болгарско-македонской, сербско-хорватской и серболужицкой областях (при этом дистрибуция аориста и имперфекта в македонской и серболужицкой областях оказалась связанной с совершенным или несовершенным видом); в истории других С.я. эти формы вытеснил перфект, который в западнославянской области (кроме серболужицкого языка) в 3-м лице, а в восточнославянской и в остальных формах утрачивал вспомогательный глагол 'быть' (в польской и кашубской области данный глагол в 1-м и 2-м лице становился агглютинированным показателем прошедшего времени, ср. польск. (*ja*) *robiłem* и *jam robił* 'я делал');

– стабилизировались формы будущего времени с опорой на конструкции, содержащие разные в разных языках вспомогательные глаголы: 'буду' – восточнославянский тип «'буду' + инфинитив» (рус. *буду писать*), аналогично в чешско-словацкой и серболужицкой областях; польск. *będzie pisać* или, с 1-причастием, *będzie pisał*, словен. (только с 1-причастием) *bom pisal*; 'иметь' – укр. *писатиму*; 'хотеть' – с.-х. (*ja*) *ћу писати/писаћу*, болг. *ще пиша*, макед. *ќе пишам*;

– по-разному в С.я. была ограничена система причастий; из кратких причастий возникли деепричастия настоящего и во многих языках прошедшего времени.

У существительных происходило дальнейшее становление категории одушевленности, которая в С.я. имеет неодинаковый охват и разный набор показателей (а в польском и верхнелужицком языках сосуществует с категорией персональности, или мужского лица). У прилагательных завершался праславянский процесс стабилизации полных форм, которые в южнославянских языках продолжают при определенной взаимной дифференциации функционировать параллельно с краткими, а в западно- и восточнославянских языках вытеснили краткие формы прежде всего из атрибутивной позиции. Большинство С.я. утратило двойственное число, которое сохраняется только в словенском и серболужицком, где в живой речи также наблюдается немало нарушений в использовании этой категории.

В области синтаксиса в отдельных славянских языках, главным образом в письменной форме, продолжалось становление прежде всего сложных предложений.

Лексика С.я. в основном общеиндоевропейского происхождения. Многие ее элементы, не находящие точных соответствий в других индоевропейских языках, связаны с балто-славянской общностью (праслав. **rōka* 'рука' ~ литов. *ranka* и др.). Ряд древних заимствований обязан контактам праславянского с иранскими, кельтскими, германскими и другими индоевропейскими диалектами. В ходе истории отдельных С.я. их лексика расширялась и обогащалась прежде всего за счет собственных ресурсов путем суффиксального словообразования для имен и префиксального наряду с суффиксальным для глаголов и наречий. Источниками лексических заимствований являлись: германские языки (в том числе в поздний период в наибольшей степени немецкий, особенно для западнославянских языков); тюркские и другие восточные языки (прежде всего для южно- и восточнославянских языков); финно-угорские языки для восточнославянских языков; новогреческий, албанский, румынский и другие для языков балканского ареала; румынский и венгерский для языков карпатского ареала и смежных с ним; древнегреческий – не только для *Pax Slavia Orthodoxa*, латынь – не только для *Pax Slavia Latina*, французский – для некоторых славянских языков в XIX в. (русский, польский), английский – для всех С.я. в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштейн С. Б.* Сравнительная грамматика славянских языков. М., 2005.
- Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования. Именные основы. М., 1974.
- Бошковиц Р.* Основы сравнительной грамматики славянских языков. Фонетика и словообразование. М., 1984.
- Бирнбаум Х.* Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987.
- Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов / За редакцією О. С. Мельничука. Київ, 1966.
- Гамкрелдзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. 1–2. Тбилиси, 1984.
- Гаспаров Б. М., Сигалов П. С.* Сравнительная грамматика славянских языков. В 2 т. Тарту, 1974.
- Дыбо В. А.* Славянская акцентология. М., 1981.
- Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Журавлев А. Ф.* Лексикостатистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.
- Журавлев В. К.* Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. Минск, 1963.
- Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Ильинский Г. А.* Праславянская грамматика. Нежин, 1916.
- Историческая типология славянских языков. Киев, 1986.
- Кузнецов П. С.* Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.
- Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- Нахтигал Р.* Славянские языки. М., 1963.
- Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.
- Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956.
- Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2 (Славянские языки). СПб., 1998.
- Селищев А. М.* Славянское языкознание. Т. I. Западнославянские языки. М., 1941.
- Славянская морфология: Субстантивное словоизменение. М., 1987.
- Славянские языки: Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой и В. П. Гудкова. М., 1977.
- Супрун А. Е.* Введение в славянскую филологию. Минск, 1989.
- Супрун А. Е.* Праславянский язык. Минск, 1993.

- Толстой Н. И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
- Толстой Н. И.* Избранные труды. М., 1997–1999. Т. 1. Славянская лексикология и семасиология, 1997. Т. 2. Славянские литературные языки, 1998. Т. 3. Очерки по славянскому языкознанию, 1999.
- Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. 2-е изд. М., 2003.
- Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Цыхун Г. А.* Типологические проблемы балканославянского языкового ареала. Минск, 1981.
- Arutunjan P.* Urslavische Grammatik: Einführung in das vergleichende Studium der slavischen Sprachen. Bd. I–III. Heidelberg, 1964, 1976, 1985.
- Carlton T. R.* Introduction to the phonological history of the Slavic languages. Columbus (Ohio), 1991.
- Einführung in die slavischen Sprachen / Hrsgb. Peter Rehder.* 3. Auflage. Stuttgart, 1998.
- Golob Z.* The origins of the Slavs. Columbus (Ohio), 1992.
- Isačenko A.* Versuch einer Typologie der slavischen Sprachen // *Linguistica Slovaca* I–II, 1939–1940.
- Lamprecht A.* Praslovanština. Brno, 1987.
- Mareš F. V.* Diachronische Phonologie des Ur- und Frühslavischen. München, 1969.
- Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. I–IV. Wien, 1852–1874.
- Moszyński K.* Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław; Kraków, 1957.
- Popowska-Taborska H.* Wczesne dzieje słowian w świetle ich języka. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1991.
- Shevelov G. Y.* A prehistory of Slavic. The historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964.
- Stieber Z.* Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. T. I–II. Warszawa, 1969; 1973.
- The Slavonic languages / Eds. B. Comrie, G. G. Corbett.* London; New York, 1993.
- Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. V. I–V. Paris, 1950–1974.
- Vondrák W.* Vergleichende slavische Grammatik. Bd. I–II. Wien, 1906–1908

С л о в а р и

- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974. Вып. 1 [продолжающееся издание].
- Sadnik L., Aitzemüller R.* Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wiesbaden, 1963. Lief. 1–6.
- Słownik prasłowiański.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974. T. 1 [продолжающееся издание].